

М.Г. СМОЛИНА, А. КУШНАРЕВА

АЛЬЯНС СИБИРСКОГО И ВОСТОЧНОГО ИСКУССТВА: ОПЫТ III МЕЖДУНАРОДНОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ФЕСТИВАЛЯ СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА (2012)

Альянс (франц. Alliance) — это союз на договорной основе, и, согласно определению энциклопедии Брокгауза и Ефрона, это соглашение между двумя или несколькими государствами¹. Употребляя это слово в отношении искусства, подразумевается возможности союзного отношения между сибирским и восточным искусством, имея в виду те «весы» саморефлексии культуры, чаши которых колеблются то в сторону европейского, то в сторону восточноазиатского менталитета. Идентифицируя себя как «сибиряки», люди обособляют специфику творящихся на этой земле активных отношений с более восточными соседями. В контексте проблемы миграционных процессов и проявления этнофобии среди населения, в свете усиленного потока мигрантов из стран Средней Азии и Дальнего Востока, следует обратить внимание на феномен этнофестивалей, особо актуальных в последнее время, так как решается вопрос мягкого образовательного процесса для широкой аудитории. Фестивали – это как раз та возможность, и тот метод, которые способствуют организации диалога культур.

28 июня 2012 года в рамках III Международного музыкального фестиваля стран Азиатско-Тихоокеанского региона в Красноярске² открылись художественные выставки, поднимающие вопросы этнокультурной идентичности жителей Сибири.

Рассматривая бронзовые статуэтки Будды из Мьянмы, мы слышали громкоголосье песен енисейской губернии под баян и балалайку, доносившееся с улицы, а в воздухе витали ароматы среднеазиатского плова. Это «полилог культур», та реальность праздника, которая была заявлена в программе фестиваля. Уличная праздничная атмосфера Дня города (здесь есть все, что народ любит: и угощение, и песни, и карнавал, и сувенирные безделушки) уравнивалась пространством профессионального искусства (музеи и галереи).

Идею праздника следует назвать чрезвычайно удачной: как с точки зрения внешней политики России, так и с точки зрения развития внутренней культуры Сибири, в особенности столь актуальной в последнее время проблемы этнокультурной идентичности россиян. В музыкально-зрелищной части фестиваль изобилует разнообразными этнически окрашенными событиями – это и выступление японских барабанщиков, и концерт Ванессы Мей, и показы азиатских фильмов и рекламы, и корейская постановка «Ревизора», и фотовыставки, и азиатский балет. Площадками для фестиваля послужило множество культурных организаций, таких как Красноярский государственный театр оперы и балета, Красноярская краевая филармония, Дом кино, Красноярский художественный музей им. В. И. Сурикова и т.д. Всего насчитывается около 30 площадок, в том числе улицы, площади и парки города.

В «Доме художника» г. Красноярска стартовали мероприятия фестиваля. Здесь, кроме полотен красноярских авторов, были выставлены произведения художников из Китая, Японии, Республики Корея, Монголии, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана и России (в том числе Республики Бурятия, Хакасия, Тыва, Якутия, Татарстан). Любопытно, что представлены результаты «интерпленера», интересного с точки зрения разницы в национально-культурном восприятии: написанные в одном и том же месте – поселке Шушенское – сибирскими и восточными художниками, живописные работы хорошо иллюстрируют разные системы ценностей.

Ради эксперимента сравните две работы, написанные в одной местности, не глядя на имена мастеров. Там, где сибирскому художнику А. Кобыльцову нужно развернуть повествование (в духе мощной традиции реализма за спиной), китайскому художнику Ван Джуну требуется остановить миг, превратить его в некий возвышенный вертикально

¹ <http://enc-dic.com/brokgause/Aljans-103292.html>

² <http://www.apfest.ru/>

организованный пейзаж с законченной формой островка, чем-то напоминающим очертания дракона и водой с рябью на первом плане. Работа китайского мастера пробуждает причудливые ассоциации и вызывает новый уровень созерцательности по отношению к сибирскому пейзажу.

Там, где красноярскому мастеру крупным планом потребовалось изобразить огромных бабочек, полностью затмивших пейзаж, восточному живописцу захотелось показать разноцветье геометрического узора, в который превращается пейзаж в его сознании. В восприятии мира дальневосточным мастером нет той тяжести и вещественности деталей окружающего мира, которая характеризует русский и сибирский взгляд на бытие, почти буддийская легкость (освобожденность от земных пут), гармоничность бытия (природа как узор бытия, в ней есть упорядоченность).

Одним из самых ярких событий фестиваля стала выставка произведений из Государственного музея искусства народов Востока «Продолжая традиции собирательства»³ на территории Красноярского художественного музея имени В.И. Сурикова. Выставка насчитывает около 200 экспонатов, представляющих культуру стран Азии, среди которых Китай, Япония, Корея, Вьетнам, Мьянма, Камбоджа, Индонезия, Лаос. Для красноярцев это редкая возможность увидеть все разнообразие культуры Востока в залах одного музея. На выставке представлены древние китайские бронзовые зеркала III - I вв. до н.э., гарды самурайских мечей, японская цветная ксилография, уникальный китайский и японский фарфор, нэцкэ и окимоно, работы мэтра японской каллиграфии Рюсэки Моримото, буддийская скульптура XVIII-XIX вв., а так же образцы национальной восточной одежды.

Гармония пустоты и линии, лаконичность и минимализм: все, что мы ценим как главные достоинства восточного искусства, уходит своими корнями в глубокую древность и связано с таким феноменом как каллиграфия. Ведь каллиграфия это не просто красивое письмо, это произведения искусства, гармонией точек и линий создающие сильнейший энергетический посыл. Важно не только что написано на листе бумаги, но и как это написано. Таким образом, каллиграфическая стилистика переходит в изобразительную, сохраняя свою специфику. Точка, линия, пустота. Такая лаконичность прослеживается не только в изобразительном искусстве, японскую поэзию так же отличают эти качества: сказать мало, но емко, в трех строках заключить глубочайшую философию – вот главный принцип японской поэзии.

В каллиграфии Рюсэки Моримото «Не спеши, счастье тебя найдет» представлено начертание иероглифов резкими, легкими штрихами. В другой каллиграфии – «Непреклонность» - мы видим диктат прямой линии, проведенной очень твердой, уверенной, действительно «непреклонной» рукой. Кураторы выставки не зря поместили эти две каллиграфии в противопоставлении друг другу, адаптировав угловое пространство помещения. Каллиграфия Востока достигает такого высшего универсального уровня эмоциональности, что происходит кристальное слияние формы и ее ассоциативного значения. Таким ассоциативным значением обладает и цвет, и узор фона, инструменты, толщина и гибкость линий.

Выставка представляла произведения из последних поступлений музея за последние 20 лет, большую роль в собирании коллекции музея играют именно частные коллекционеры. Но чем объяснить такой огромный интерес к восточному искусству? Для русского человека может показаться странным принятое на Востоке трепетное отношение к повседневности, ведь что для японца обычная посуда, то для нас - настоящее произведение искусства. Интересно, что в Японии даже нет термина «декоративно-прикладное искусство», так как нет принципиальной разницы между высокохудожественными произведениями и искусно обработанными предметами быта. Может быть, именно поэтому в России обычные для восточного человека вещи, будь то

³ Продолжая традиции собирательства (искусство Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии). Каталог выставки. Красноярск. 2012.

чайная чашка или брелок-нэцкэ, являются предметами коллекционирования. И здесь дело не только в «экзотичности», но и в высочайшей искусности этих произведений: нэцкэ с кропотливо вырезанными мельчайшими деталями, пекинские шкатулки с виртуозной резьбой, полученной путем нанесения ста слоев лака и так далее.

Буддизм не так чужд Сибири, и, как известно, был распространен в Бурятии. Именно иркутская Крестовоздвиженская церковь XVIII века славится своего рода альянсом между восточно-азиатским декором и православной традицией.

Наиболее сложный для восприятия красноярского зрителя пласт – это искусство Юго-Восточной Азии, имеющее в большинстве случаев религиозное назначение. Даже при работе над экспозицией выставки у сотрудников возникли некоторые трудности именно с этим сектором: экспонаты никак не хотели гармонично встраиваться в экспозицию. Тогда пришла идея выстроить их в виде своеобразного алтаря, совместив несколько статуй Будд (часто сделанных из старых монашеских одеяний) с чашами и сосудами, и только тогда композиция зала получилась логически завершенной и помогающей правильному восприятию самих произведений. Будда в состоянии махапаринирваны (великого окончательного освобождения) в соответствии с позднебуддийскими традициями Мьянмы, возлежит, облокотившись на руку, что несколько отличается от традиций родины буддизма Индии, где в позе Будды обычно нет опоры на локоть, голова лежит на ладони, поэтому он больше похож на спящего человека. Своеобразие статуй Мьянмы в том, что больше волнообразных линий силуэта лежащего Будды, больше бодрствования, суетности, волнения, меньше погруженности в инобытие, чем в классических индийских статуях. Будда, сидящий в праламбапadasана («европейской позе», когда ноги не скрещены, а опущены вниз), также есть отход индийских канонов. Необычна рельефная лепка из лаковой массы – техника тайо.

Фестиваль Азиатско-Тихоокеанского региона проведен в третий раз, и привлекает внимание, что между вторым и третьим разом был большой перерыв – 1992, 1995 и 2012 год. В 1990 г. этот интернациональный культурный «взрыв» был «благословлен» президентом Б. Н. Ельциным. В условиях распада Советского союза была необходимость сохранить некие духовные связи, напомнить о «дружбе народов», погасить сепаратистские настроения, создать атмосферу толерантности. Многие экономисты полагают, что с постепенным угасанием старых индустриальных центров в Европе и на востоке США центр мировой экономической активности может перенестись в Азиатско-Тихоокеанский регион. В 2012 году В.В. Путин на саммите АТЭС обозначил планы и перспективы участия России в АТР, которые сводятся в основном к экономической кооперации. Однако ряд политологов считает, что кроме экономики есть и политические планы. «Саммит АТЭС во Владивостоке большинство экспертов и политиков расценили, как серьезную заявку России на роль серьезного игрока в Азиатско-Тихоокеанском регионе»⁴.

Таким образом, мероприятие фестиваля имело прозрачную миссию отражения политических перспектив России. Необходимость подобных альянсов очевидна на данный момент, поэтому проведенный фестиваль очень актуален, может быть понят как шаг, продвижение вперед в процессе не только экономического, но и духовно-эстетического взаимообогащения Сибири и Востока.

⁴ Маркедонов С. Евразийская интеграция: две стороны одной медали// Geopolitic.ru/ Сентябрь 17, 2012.